

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Искусство Ираклия Андроникова

ИСКУССТВО этого слова — не только слово.

Оно — весь человек. Ираклий Андроников не чтец, не артист, не исполнитель чужих текстов. Его слово рождается вместе с ним, с его мыслью, воображением, чувством. Исполнение —

с произведением, мимика — с ритмикой, жест — с порывом. Оно воспроизводит только свое, — и когда мы говорим «Ираклий Андроников», мы видим перед собой всего человека, создавшего себя, как объект искусства.

Он сопровождал нас, писателей, почти всю нашу советскую жизнь, и его пародии никогда ни для кого не были обидны. Обижаются те, кого он не пародирует. Обижаюсь я, потому что он ни разу не пародировал меня, — и я, как бы со стороны,

всегда подсматриваю смешное в себе и злюсь, почему он меня не пародирует.

Может быть, потому, что во всех его выступлениях: в великолепных смешных портретах, начиная с самых первых; в замечательных рассказах-показах на голубом экране; в воспоминаниях о Большом зале дорогой нам Ленинградской филармонии, получившей сейчас имя Дмитрия Шостаковича, — я чувствую Ирак-

лия Андроникова не только как исполнителя, но прежде всего — как устного творца-писателя, и слово его не столько слышится, сколько пишется передо мною в сокращениях мускулов его лица, в движении щедрых губ, в остроте и всегда улыбчивой доброте (или доброй улыбчивости) взгляда.

Прочитайте его прозу, — ведь ничего лучше не сказано было, например, о «Маскараде» Арама

Хачатуряна, о музыке к «Маскараду», — и, написанное буквами, слово само звучит со страниц книги, как музыка, словно это не написал, а произнес сам автор.

Искусство Ираклия Андроникова — в своей внутренней слитности с воспроизводящим его самим творцом — уникально. Им вправе гордиться наша страна.

Мариэтта ШАГИНЯН.